

Б. А. САДОВСКОЙ

Н. Гумилев. Чужое небо.

Третья книга стихов. Издание «Аполлона». СПб. 1912 г.

О «Чужом небе» Гумилева, как о книге поэзии, можно бы не говорить совсем, потому что ее автор — прежде всего *не поэт*. В стихах у него отсутствует совершенно магический трепет поэзии, веяние живого духа, того, что принято называть вдохновением, той неуловимой, таинственной силы, которая заставляет «листок, что иссох и свалился, золотом вечным гореть в песнопеньи», и одна дает писателю право называться поэтом.

Сами по себе стихотворения г. Гумилева не плохи: они хорошо сделаны и могут сойти за... почти поэзию. Вот в этом-то роковом *почти* и скрывается непереходимая пропасть между живой поэзией и мертвыми стихами г. Гумилева. Бриллианты Тэта¹ тоже почти настоящие: в виде рекламы, желающим предоставляется выбрать среди поддельных сокровищ один подлинный алмаз. Но в книге г. Гумилева не найти и одного бриллианта: сплошь стекларус, подделанный подчас с изумительным мастерством. Г-н Гумилев легко и ловко фабрикует свои стихи: между ними нет ни превосходных, ни неудачных, — все на одном уровне, а это самый дурной знак, указывающий на полную безнадежность автора как поэта. По видимому, сам г. Гумилев вполне искренно считает себя «новым поэтом», своего рода Колумбом, «конквистадором», по собственному его определению. Но что такое конквистадор в поэзии, и как можно им быть? Не то же ли это, что в религии быть спортсменом? От Гомера и до наших дней все поэты пели и поют о том, что каждому из них с рождения открыто, о том, «что душу волнует, что сердце томит», о том, «пред чем язык немеет» — и поют лишь тогда, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется»². Поэт никогда ничего не «ищет», а его самого находит Бог; отсюда выражение: поэт Божией милостью. И ни родные, ни «чужие небеса» не дадут «понять органа жизни глухонемому».

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И томный бред души, и трав неясный запах,³ —

сказал Фет, и он же в юности говорил Полонскому: «к чему искать сюжета для стихов? Сюжеты эти на каждом шагу, — брось на стул женское платье или погляди на двух ворон, которые уселись на забор, вот тебе и сюжет». «Ищут» лишь те, кому ничего не дано и с которых ничего не взывается.

Между тем, все открытия г. Гумилева, искателя покоя века открытых Америк, сводятся исключительно к сочинению головоломных рифм, к подбору небывалых созвучий. Теперь подобными фокусами даже гимназистов не удивишь. У настоящих поэтов как-то совсем не замечается это присущее им богатство стиха, эта позолота на благословляющей чаше.

Вот образцы стихов г. Гумилева:

И там стоять я буду, *струны*
Щипля и в дерево стуча (!?)
Пока внезапно лоб твой юный
Не озарит в окне свеча. (с. 76)

Гиппопотам с *огромным брюхом*
Живет в Яванских тростниках,
Где в каждой яме стонут глухо
Чудовища, как в *страшных снах*. (с. 78)

Ну, почему б ему не стать
Адьюнктом в университете? (с. 114)⁴.

Неужели это поэзия?

И недаром книга г. Гумилева называется «Чужое небо». В ней все чужое, все заимствованное, мертворожденное, высосанное из пальца. Чего только ни придумывает г. Гумилев, чтобы походить на поэта! Спазмами сочинительства он думает искупить роковое отсутствие вдохновения и таланта. У него, например, неверную одалиску собираются зашить в мешок и бросить в море, и пока об этом совещаются ее отец и муж, младшая сестра преступницы, тут же сидя, мечтательно завидует ей, потому только, что:

Так много, много, в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных (?), томных и молчаливых...
Какое счастье быть средь них! (с. 20)⁵.

Имена и названия, вроде Харрар, Аксум, Тигрэ, Габеш, Сенар, Левант, Смирна пестрят на страницах «Чужого неба»⁶. В стихотворении «Баллада» (с. 44–45) г. Гумилев с упорством цирку-

вого жонглера ухитрился нанизать целых девять рифм (леди, победе, наследий, бреде, Андромеде, меди, снеди, камели, медведи), что, однако, не помешало ему поставить неверные ударения на словах «туфля» (с. 42) и «статуя» (с. 114).

Понятно, почему г. Гумилеву так любо все... «высокое и прекрасное», все экзотическое и высокопарно-скучное. При чтении длиннейшей поэмы его «Открытие Америки» вспоминается невольно лукавая строфа Фета:

У соседа ненароком
Я сказал ей слова три
О прекрасном, о высоком...
Скука — хоть умри!

Скука... Великий поэт ненавидел смертную скуку риторики, чуждой равно и поэзии, и жизни; современный же бездарный стихотворец все спасение находит только в риторике, потому что и жизни, и поэзии он одинаково чужд.

